

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 135—151.

Woman in Russian Society. 2023. No. 1. P. 135—151.

Научная статья

УДК 297(091)(47).084

DOI: 10.21064/WinRS.2023.1.10

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1917 г.**

*Айдар Юрьевич Хабутдинов, Марина Маратовна Имашева,
Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова*

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия, aihabutdinov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития общественно-политического движения женщин-мусульманок (татарок) Волго-Уральского региона в ходе революционных событий 1917 г. В российском обществе устоялось мнение о том, что женщина-мусульманка в начале XX в. не имела возможности участвовать в общественной жизни, а ее интересы традиционно ограничивались рамками семьи. Но относительно Волго-Уральского региона этот тезис несостоятелен. В действительности с начала XX в. развитие общественного движения татарских женщин достаточно сильно отличалось от развития общественного движения у других мусульманских народов России. Оно характеризуется наличием среднего класса в городских мусульманских общинах, в рамках которого происходила институционализация различных форм включения женщин в социум, а события революции 1917 г. привели к их окончательному оформлению в региональном и общегосударственном пространствах. Принципиальная новизна этой статьи заключается в том, что в ней на основе изучения широкого круга источников дается анализ позиции женщин-татарок по вопросам развития их гражданских и политических прав, участия в национальных органах власти и органах самоуправления в 1917 г.

Ключевые слова: женщина-мусульманка, татары, Волго-Уральский регион, общественное движение, Всероссийский съезд мусульманок, женский вопрос, революционное движение

Для цитирования: Хабутдинов А. Ю., Имашева М. М., Хабутдинова М. М. Общественно-политическое движение женщин-мусульманок Волго-Уральского региона в 1917 г. // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 135—151.

Original article

THE SOCIO-POLITICAL MOVEMENT OF MUSLIM WOMEN IN THE VOLGA-URAL REGION IN 1917

*Aidar Yu. Khabutdinov, Marina M. Imasheva,
Mileusha M. Khabutdinova*

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation, aihabutdinov@mail.ru

Abstract. The article discusses the process of formation and development of the socio-political movement of Muslim women (Tatars) in the Volga-Ural region during the revolutionary events of 1917. At the beginning of the 20th century Russian society believed that Muslim women did not have the opportunity to participate in public life, and their interests were traditionally limited to the family. However, the residents of the Volga-Ural region did not share this point of view. In fact, since the beginning of the 20th century, the development of the social movement among Tatar women was quite different from the development of the social movement among other Muslim peoples of Russia. It was characterized by the presence of a middle class in urban Muslim communities, within which various forms of inclusion of women in society were institutionalized, and the events of the 1917 Revolution led to their final formation in the regional and national contexts. The main novelty of this article lies in the fact that, based on the analysis of a wide range of sources, it became possible to analyze the position of Tatar women on the development of their civil and political rights, participation in national bodies and self-government bodies in 1917.

Key words: Muslim woman, Tatars, Volga-Ural region, social movement, All-Russian Congress of Muslim Women, women's issue, revolutionary movement

For citation: Khabutdinov, A. Yu., Imasheva, M. M., Khabutdinova, M. M. (2023) Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie zhenshchin-musul'manok Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 g. [The socio-political movement of Muslim women in the Volga-Ural region in 1917], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 135—151.

В начале XX в. Российская империя была не только одним из самых многонациональных, но и одним из самых поликонфессиональных государств в мире. Согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г., 11 % населения (более 7,3 млн человек) составляли мусульмане, проживавшие в трех основных макро-регионах — на Северном Кавказе и Закавказье, в Казахстане и Средней Азии и в Волго-Уральском регионе [Ислам в Российской империи, 2001: 12]. Последние оказались в составе Российского государства еще в середине XVI в. и в течение столетий сумели выработать определенные социально-экономические механизмы интеграции в российское общество.

Вместе с тем для мусульман Волго-Уральского региона на протяжении всего периода нахождения в составе Российского государства очень важным фактором сохранения национального самосознания, культуры и языка была мусульманская религия. Успешно противостоя неоднократным попыткам христианизации и культурной ассимиляции, во многом благодаря исламу татары сумели уберечь и развить традиционный уклад жизни и национальную культуру,

основанные в том числе и на шариате. Мусульмане, оставаясь лояльными гражданами, старались сохранять самостоятельность в сфере культуры, свои религиозные и моральные устои, хотя и допускали их модернизацию при условии поддержания собственной этнорелигиозной идентичности.

Довольно замкнутый и обособленный характер жизни мусульманских семей и общин породил в русском общественном сознании определенные стереотипы. В частности, одним из распространенных стереотипов стало восприятие женщины-мусульманки как рабы своего мужа, семьи и вообще домашнего быта. Считалось, что татарка не имела возможности самостоятельно решать какие-либо социальные вопросы, полностью была исключена из общественной жизни, не имела права голоса.

В качестве неопубликованных источников при изучении мусульманского общественного движения конца XIX — начала XX в. в целом большую ценность представляют отчеты губернских жандармских управлений. Но в условиях демократических трансформаций и ликвидации государственно-политических институтов самодержавия с марта 1917 г. эти отчеты как исторический источник перестали существовать.

Истинное представление об уровне вовлеченности татарской женщины в общественные процессы выявили революционные события в России: весной — летом 1917 г. одной из составляющих татаро-мусульманского общественного движения становится женское мусульманское движение. Оно получило подробное освещение в периодической печати того периода. И в нашем исследовании этот вид опубликованных источников является главным для анализа проблемы.

Протоколы заседаний и архивы общественных организаций, к сожалению, почти не сохранились. Отсутствие данных в архивах, тем не менее, не исключает возможности знакомства с ними и их изучения. Основным источником является пресса, где содержатся детальные отчеты о различных форумах. В данной статье мы используем газеты на татарском языке, выходившие в 1917 г.: «Йолдыз», «Кояш», «Курултай» (Казань), «Ирек», «Тормыш» (Уфа) — и журнал «Сюембике» (Казань).

При написании нашей работы мы также ориентировались на комплекс опубликованных источников и некоторые биографические исследования татарстанских специалистов. Например, в последние годы в связи с празднованием 100-летнего юбилея республик в составе России вышло несколько сборников документов по общественному движению мусульман народов Волго-Уральского региона в 1917 г. Это 1-й том издания «100-летие образования Татарской АССР» и «Башкирия в 1917 году» [100-летие образования... , 2017; Башкирия... , 2017]. Биографии лидеров общественного движения женщин-мусульманок приведены в книге Т. А. Биктимировой «Женщины-татарки на пути просветительства» [Биктимирова, 2002].

Вообще женское движение в России в период общественных трансформаций начала XX в. как самостоятельная тема практически не освещалось. Следует согласиться с мнением ведущих специалистов в этой области исследований И. М. Пушкаревой и Н. Л. Пушкаревой, изложенном ими в статье «Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография)»: «Подводя итоги обзору публикаций по женской истории

России начала XX в., нужно с сожалением констатировать, что обращение с женской историей как с чем-то иллюстративным, дополнительным по отношению к истории “большой”, традиционной и “мужской” все еще не пережиток прошлого» [Пушкарева И., Пушкарева Н., 2017: 25]. Исследовательницы указывают также на позицию ведущего специалиста Института российской истории РАН: «И если автор 967-страничного труда “Красная смута” В. П. Булдаков был настроен к женской теме критически... значит, ей было суждено появиться в книге лишь в связи с бабьими бунтами и внесенной ими дезорганизацией жизни в стране» [там же: 21] (см. также: [Булдаков, 2010: 119]).

Подобный подход продолжает доминировать и в коллективной монографии «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура» (Российское историческое общество, Институт российской истории РАН). Упомянувшийся выше историк В. П. Булдаков анализирует деятельность женщин в главе с показательным названием «Борьба за выживание в условиях нарастающего хаоса», где говорится о маргинальном характере отдельных выступлений в 1917 г. женщин-работниц и солдаток. Приводится пример: 4 апреля 1917 г. в г. Вышний Волочек женщины-работницы выступили против феминисток из Общества женщин и даже прибегли к насилию [Российская революция... , 2017: 155].

В главе «Российская демократия и мусульманские политики» этой же коллективной монографии С. М. Исхаковым указано, что Всероссийский съезд мусульманских женщин в Казани выступил за равноправие женщин. При этом автор делает особый упор на радикальные формулировки резолюций. Например: «Было решено порвать с кошмарным прошлым, муллы извратили суть Корана и шариата» [там же: 268]. Таким образом, главную проблему в женском движении автор видит в засилии консервативного духовенства в мусульманской умме империи. На самом деле это достаточно спорная позиция, которая является следствием советской интерпретации мусульманского общественного движения и слабого освещения в историографии проблемы участия в нем женщин в начале XX в.

В действительности, как показывают новейшие исследования источников, мусульманское духовенство поддерживало равноправие всех российских граждан как минимум со времен III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г., а многие лидеры общественного движения российских мусульманок начала прошлого века были членами семей (дочери, жены, невестки) лидеров мусульманского истеблишмента, это касается и семьи муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в 1885—1915 гг. Мухаммедьяра Султанова. Данное обстоятельство особенно характерно для Уфы. Во многом вследствие этого лидеры Уфимского мусульманского дамского общества не сумели занять ведущие позиции в мусульманском женском общественно-политическом движении в 1917 г., которое с самого начала выступило с критикой всего, связанного с царским режимом.

Ошибочно и суждение С. М. Исхакова о том, что II Всероссийский мусульманский съезд, проходивший в июле 1917 г., подтвердил постановления I Всероссийского мусульманского съезда (май 1917 г.) [там же: 272]. Как мы укажем ниже, II съезд внес изменения в постановление I съезда по женскому вопросу, поддержав сохранение норм шариатского семейного права, что привело

к серьезному конфликту между умеренным и левосоциалистическим крылом национального движения.

Во всероссийском масштабе общественная деятельность женщин в период войн и революций начала XX в., на наш взгляд, достойную оценку получила в работе О. А. Хасбулатовой: «Деятельность либерально-демократических женских организаций по достижению равноправия полов в области гражданских и политических прав носила динамичный, наступательный характер. Были завоеваны избирательное право, право занимать все государственные должности, ряд гражданских прав. Под влиянием либерально-демократических и пролетарских женских организаций расширились возможности для общего образования женщин, была учреждена система высшего образования, осуществлялся доступ к новым профессиям» [Хасбулатова, 2017: 12].

Но следует также признать, что данный вывод нельзя отнести к женскому мусульманскому движению. В Волго-Уральском регионе отсутствовали пролетарские организации женщин-мусульманок. Лидерами женского движения, как правило, становились представительницы семей среднего класса, получившие образование, зачастую сами преподававшие в женских учебных заведениях. Такого рода учебные заведения находились в городских центрах с их татарскими слободами и районами. Особую роль здесь играла Казань как центр одновременно русского и мусульманского высшего образования, где действовали Императорский Казанский университет, Высшие женские курсы. Преподаватели университета выступали в роли педагогов на Высших женских курсах. В 1911—1917 гг. на них обучалось 19 девушек из татарских семей, включая наших будущих героинь А. Мухитдинову и М. Губайдуллину [История татар... , 2013: 146].

Уфа была вторым центром общественного движения мусульман Российской империи в Волго-Уральском регионе, здесь располагалась резиденция ОМДС. Развивалось в Уфе и женское общественное движение, которое было исследовано Р. Н. Сулеймановой в докторской диссертации «Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX века». Хотя автор рассматривает прежде всего башкирское женское движение, не останавливаясь специально на общемусульманском, которое является главным в нашей статье. Так, Р. Н. Сулейманова отмечает, что после постановления I Всероссийского мусульманского съезда в мае 1917 г. «в Башкортостане развернулась работа по созыву съезда башкир»: «Он состоялся в июле 1917 г. в Оренбурге. В его работе приняли участие свыше 70 делегатов, представлявших башкирское население со всей территории Башкортостана и соседних регионов страны, среди которых была лишь одна женщина. В его повестку был внесен и женский вопрос. Несмотря на дебаты, большинством делегатов принимается постановление, признавшее башкирских женщин равноправными» [Сулейманова, 2011: 26].

Однако при признании политического и гражданского равноправия женщин, в резолюции указывалось: «...вопросы же духовного (шарги) и семейного порядка подлежат ведению Духовного Соборания» [Национально-государственное устройство... , 2002: 154], что прямо противоречило постановлениям Всероссийского съезда мусульманок и I Всероссийского мусульманского съезда 1917 г.

Стоит отметить, что минимальное представительство женщин подчеркивает сельский и традиционалистский характер башкирского общества. Мы

детально проанализируем этот вопрос ниже, но отметим, что на близком по своему характеру для татар II Всероссийском мусульманском съезде 1917 г. представительство женщин было гораздо многочисленнее. Только от двух губерний Южного Приуралья — Уфимской и Оренбургской — были избраны соответственно 5 и 2 женщины. От последней они составляли 40 % делегатов. Еще одна женщина представляла г. Троицк Оренбургской губернии¹.

Подробный анализ общественного движения мусульманских народов Российской империи и отдельно Волго-Уральского региона в 1917 г. является предметом изучения с начала 1990-х гг. и по настоящее время. В этой связи особо следует выделить работы А. Ю. Хабутдинова [Хабутдинов, 2001], И. К. Загидуллина [Загидуллин, 2007], Д. Ю. Арапова [Арапов, 2004], М. Н. Фархшатовой [Фархшатов, 1994], Д. М. Усмановой [Усманова, 1999]. Всероссийский съезд мусульманок и обсуждение женского вопроса на I и II Всероссийских мусульманских съездах стали частично предметом исследования в работе С. Ф. Фаизова «Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории» [Фаизов, 2005].

Развитие общественного движения татарских женщин Волго-Уральского региона отличается от развития аналогичных движений у других мусульманских народов России. Отличие это связано прежде всего с тем, что у татар в целом ряде городских этноконфессиональных общин, в первую очередь в Казани, Уфе и Оренбурге, во второй половине XIX — начале XX в. сложился средний класс. Одним из признаков среднего класса является высокий уровень образования. Классик татарской литературы и левый социалист Галимджан Ибрагимов в 1908 г. охарактеризовал имущественный уровень учеников русских школ: «Кто учится в русских школах? Что для этого нужно? Там учатся богачи, для этого нужны деньги» (цит. по: [Хасанов, 1969: 17]).

По подсчетам предводителя дворянства Казанского и Царевкокшайского уездов А. Баратынского, в Казанском уезде в 1913/14 учебном году в русских учебных заведениях обучалось 223 мальчика и 40 девочек татар. Из них в гимназиях Казани — 9 мальчиков и 37 девочек, 17 мальчиков в реальных и 35 в коммерческом училищах. Всего в средних учебных заведениях — 98 человек. Таким образом, четко видна ориентация на среднее русское образование состоятельных татарских семей Казани. Сходная картина наблюдалась в 1913 г. и в Оренбургской губернии, где почти все мусульманки — ученицы русских школ обучались в Оренбургской и Троицкой женских гимназиях и в училищах Оренбурга [НА РТ, ф. 1, оп. 6, д. 1563, л. 22—24; ф. 36, оп. 1, д. 21, л. 154].

Включение в светскую российскую систему образования для женщин-татарок означало прежде всего приобщение к неисламской культуре, что привело некоторых из них к постановке вопросов, связанных с ролью женщины в обществе. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что, за единичными исключениями, они не представляли себя вне своей этноконфессиональной идентичности. Речь шла лишь об обеспечении гражданского и политического равноправия [Сборник документов... , 1956: 234].

Среди женщин, которые окончили русские учебные заведения и во многом определили вектор общественного женского движения в мусульманской среде,

¹ Курултай. 1917. 8 авг.

можно выделить две группы: женщины из семей элиты, как правило жены (дворянство, буржуазия, преимущественно крупная, джадидское духовенство), и женщины-учительницы, обозначавшиеся термином «мугаллима».

Например, Фатиха Аитова (1866—1942) была педагогом и создателем первой татарской женской гимназии в Казани. Она выросла в семье купца-миллионера и видного общественного деятеля Габдулвали Яушева и стала женой одного из основателей мусульманской политической партии «Иттифак аль-муслимин» купца и мецената Сулеймана Аитова. На свое приданое (200 тыс. руб.) в 1897 г. она открыла в Казани начальную школу для девочек из бедных семей, а на наследство в 1915 г. — женскую гимназию.

Хадича Таначева (1882—1950) была племянницей депутата I и II Государственной думы Гарифа Бадамшина, вдовой редактора первой татарской социал-демократической газеты «Урал» Хусаина Ямашева и одним из авторов этой газеты, с 1913 г. стала женой Валидхана Таначева (в 1917 г. заместитель председателя Казанского мусульманского комитета, затем один из лидеров казахской «Алаш-Орды»). Гайша Абзгильдина была женой ахуна Уфы и ректора медресе «Усмания» Джигангира Абзгильдина, сама возглавляла женскую школу.

В среде достаточно закрытого мусульманского общества в дореволюционный период такие женщины были скорее исключением и действовали они только с согласия своих супругов. Многими членами мусульманской уммы они воспринимались как носительницы радикальных идей, полученных у русских христиан. Этот радикализм был обычно связан с влиянием социалистических идей. В 1917 г. он встречался крайне редко и носил поколенческий характер, т. е. преобладал в основном среди самых молодых — родившихся в 1890-е гг.

Сара Шагбаз-Гиреевна Ахмерова (1889—1952 гг.) была дочерью Шагбаз-Гирея Измайловича Ахмерова (1853—1900), статского советника, инспектора Казанской татарской учительской школы в 1881—1900 гг. Сара училась в Казанской Мариинской женской гимназии и окончила ее с золотой медалью. Она и ее сестра Маги-Парваз закончили Бестужевские курсы в Петербурге. Затем Сара с 1913 по 1916 г. преподавала римское право на юридическом отделении Бестужевских курсов, читала дополнительные курсы по праву, консультировала граждан по административным вопросам. С. Ахмерова вышла замуж за Якова Мироновича Букшпана, знаменитого экономиста, автора многих статей на экономическую тематику. Этот брак с немусульманином и против воли родителей затруднил ее последующую карьеру в национальном движении.

Амина Мухитдинова (1893—1944) выросла в семье имама и вероучителя Казанской татарской учительской школы, закончила женскую гимназию, с 1915 г. училась на медицинском, с 1916 г. на юридическом факультете Казанского университета [Багаутдинов, 2014].

Абруй Сайфи (1888—1960), председатель Бюро мусульманок-солдаток в Казани, с 1905 г. преподавала в татарских школах в Чистополе и Астрахани, д. Азеево Рязанской губернии, Уфе [Биктимирова, 2002]. Ее муж Фатих Сайфи был одним из соратников Галимджана Ибрагимова в медресе «Галия» и организации левых эсеров Уфы. В 1917 г. А. Мухитдинова и А. Сайфи стали членами Мусульманского социалистического комитета (МСК) в Казани.

Сразу же после свержения самодержавия в феврале 1917 г. именно эти женщины приняли активное участие в формировании новых политических структур и собственно женских мусульманских организаций, обсуждении насущных вопросов государственного и общественного развития. Кроме того, большую роль в развитии общественной активности женщин сыграла Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. о его составе и задачах, в которой в числе прочего было заявлено о предоставлении гражданских и политических прав всем женщинам России.

12 марта 1917 г. в Казани окончательно складывается руководство Казанского мусульманского комитета (КМК). Его председателем становится эсер Фуад Туктаров, заместителями председателя — Габдулла Апанай (от имамов) и Валидхан Таначев. Уже в этой организации встал вопрос о представительстве женщин. В КМК от татарских учительниц вошла Амина Мухитдинова, о которой мы уже упоминали².

На следующий день, 13 марта, прошло собрание женщин-учительниц Казани в здании гимназии Фатихи Аитовой в составе 71 человека под председательством директора Марьям Акимбетъевой. На этом собрании впервые женщины выступили с политическими заявлениями. Марьям Мухетдинова с трибуны возгласила, что «наступило время служить нации», женщины больше не могут стоять за рамками политических процессов. Мадина Сайдашева предложила заняться изучением истории русской революции. Марьям Муштариева высказалась «за провозглашение конституции и республики, за участие женщин в политическом движении и будущих выборах, за единство нации на выборах и увеличение числа голосов, поданных на выборах». Председателем общества женщин-мусульманок г. Казани была избрана директор женской школы (в ее старших классах фактически обладавшая уровнем женской учительской школы) Лябиба Хусания (Хусаинова), заместителями — Амина Галиева (дочь имама Салихджана Галиева-Баруди и племянница муфтия Галимджана Баруди) и Сагадат Габидуллина. Решено было в ближайшие дни обратиться ко всем женщинам-мусульманкам и инициировать собрание с представительницами всех социальных групп, которые выскажут желание участвовать в движении³.

Обращение оказалось своевременным и нашло отклик в женской половине мусульманской общины Казани, не только в среде учительниц. 16 марта прошло первое собрание женщин Казани, принявшее решение создать Женское мусульманское общество. Председателем была избрана Марьям Губайдуллина, дочь купца 1-й гильдии Салиха Губайдуллина и сестра выдающегося татарского историка-востоковеда и общественного деятеля Газиза Губайдуллина. Также она была рекомендована в состав КМК вместе с Хадичой Таначевой и Айшой Юнусовой (из семьи казанских миллионеров Юнусовых). На собрании были сделаны пожертвования на нужды КМК, от каждой от 3 до 1000 руб.⁴

Другим центром общественного движения мусульман Волго-Уральского региона являлась Уфа. 10 марта 1917 г. здесь было образовано правление Уфимского комитета по распространению гражданственности среди мусульман

² Кояш. 1917. 14 марта.

³ Там же. 17 марта.

⁴ Там же. 21 марта.

под руководством Гумера Терегулова. Среди его членов женщины отсутствовали, но две были среди кандидатов, причем на выборах они получили поддержку от голосовавших мужчин. Так, сам Г. Терегулов получил 44 голоса, Хаджар Еникеева — 13, Ханифа Сайфуллина — 10⁵. Еникеевы были известным родом уфимских мурз, а Х. Сайфуллина, дочь учителей, работала учительницей, ее отец И. Сайфуллин закончил Уфимскую татарскую учительскую школу, а мать М. Сайфуллина — 8 классов Уфимской женской гимназии.

8 апреля 1917 г. в Казани прошло заседание Женского общества, на котором присутствовали 190 из 260 членов. На собрании было избрано правление общества, куда вошли Хадича Таначева (189 голосов), Фатиха Аитова (158), Зайнаб Хасанова (152), Фатима Девлеткильдеева (150), Амина Терегулова (149), Марьям Губайдуллина (145), Хадича Мустафина (137), Марьям Акимбетьева (135), Марьям Муштариева (130), Амина Мухитдинова (121), Суфия Тагирова (104), Хава Апанаева (96)⁶.

В Астрахани в ходе выборов в местную городскую думу были сформированы выборные списки с учетом партийной и этноконфессиональной принадлежности. По списку № 5 — «мусульманскому» — баллотировалось 14 человек. В него были включены представители женской части астраханской общины — Г. Г. Насыбуллина и Ш. Д. М. Каримова⁷.

Пиком развития общественного движения женщин-мусульманок стал Всероссийский съезд мусульманок. Он работал в Казани 24—27 апреля 1917 г. На второй день было заявлено 85 делегаток со всех губерний Российской империи с мусульманским населением, но преобладали делегатки из Волго-Уральского региона, по чьей инициативе он, собственно, и состоялся. Съезд должен был сформулировать насущные проблемы женского мусульманского сообщества России и избрать делегаток на I Всероссийский мусульманский съезд, который начал работать в Москве 1 мая.

Открыла съезд член КМК Хадича Таначева, которая была председателем временного (организационного) бюро съезда. Она отметила, что в течение веков мусульманские женщины вели борьбу за равноправие. «Старый режим в России не давал женщинам прав, а революция предоставила женщинам равенство, — заявила она. — Съезд ставит своей задачей обсудить лишь наиболее важные проблемы, те, которые будут представлены рассмотрению всеобщего мусульманского съезда в Москве» [100-летие образования... , 2017: 77].

В президиум женского мусульманского съезда вошли: Сара Ахмерова (председатель), Фатима Алкина и Хадича Таначева (заместители председателя), Зейнаб Алиева, Марьям Губайдуллина, Хадича Мустафина, Зухра Салихова (секретари).

Перед началом работы съезд почтил минутой молчания светлую память Зухры-ханум Гаспринской и Фатимы-Фариды Наурузовой, посвятивших свою жизнь служению мусульманкам России. Была сформирована повестка дня:

1. Права женщин по шариату.
2. Положение женщин, которое они занимают и будут занимать в семье.

---

⁵ Тормыш. 1917. 14 марта.

⁶ Кояш. 1917. 11 апр.

⁷ Астраханский листок. 1917. 21 июня.

3. Политические права женщин.
4. Участие женщины в общественной жизни.
5. Участие в Учредительном собрании и его возможности.
6. Особые организации женщин.

От казанских политиков-мусульман делегатов съезда приветствовали лидер КМК Фуад Туктаров и лидер Харби Шуро (Военный совет) Ильяс Алкин. Тем самым мужская часть мусульманского общественного движения (от которой по-прежнему зависело общее отношение к женской гражданской и политической активности) признала и «благословила» женское мусульманское общественное движение.

На съезде было избрано Центральное бюро мусульманок России, в которое вошли Гульсум Асфандиярова, Диляра Булгакова, Захида Бурнашева, Рауза Чанышева-Султангалиева, Салима Якубова. Они и еще четыре женщины: Амина Криницкая (из литовских татар), Фатима Кулахметова, Хадича Таначева, Ильгамия Туктарова — были избраны делегатками на I Всероссийский мусульманский съезд. Диляра Булгакова представляла мусульманок Крыма.

Основные решения женского съезда, состоящие из пяти разделов, должны были быть вынесены на рассмотрение Всероссийского мусульманского съезда. Важнейший из них — «О равноправии мужчин и женщин в исламе» — состоял из трех пунктов [там же: 80]:

1. «По условиям шариата мужчина и женщина одно».
2. «По шариату у женщин есть право участвовать в политической и общественной деятельности. Поэтому женщины на основе шариата могут участвовать в выборах».
3. «В шариате нет предписания о ношении хиджаба женщинами и об укрывании лиц».

Мугаллима Лябиба Хусаинова выступила за право женщин участвовать в пятничном намазе, но в отдельно выделенном помещении. Она признала, что есть противники посещения женщинами мечетей. Гайша Абзгильдина, жена ахуна Уфы и директор женской школы, подняла вопрос о талаке (развод по мусульманскому праву). Она призвала к уплате мужчинами махра (приданое) при разводе. В итоге этот пункт не был внесен в постановления съезда из-за позиции большинства. Съезд, кроме того, не принял решения о категорическом запрете многоженства, за что голосовала его радикальная часть в лице Амины Мухитдиновой.

Ильхамия Туктарова (сестра Фуада Туктарова) выступала с докладом о выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Резолюция включала следующие пункты:

1. Учредительное собрание должно начать работу как можно скорее.
2. Выборы в Учредительное собрание необходимо проводить на основании принципа национально-пропорционального представительства.
3. Мусульманки, как и мужчины, должны обладать правами избирать и быть избранными.
4. Если женщины получают избирательное право, то для каждого достигшего избирательного возраста участие в выборах должно стать национальным долгом.
5. Во время выборов мусульманкам следует определить отдельное место для голосования.

Сара Ахмерова поддержала последний пункт, утверждая, что «он дает возможность женщинам самим организовывать свою общественную жизнь и мужчины не будут препятствовать участию жен в выборах». В этот пункт внесли поправку, и конечный вариант был записан так: «...выборы должны проходить в один день, избирательные участки должны быть отдельно». В резолюцию добавили пункт о том, что «если кандидатка не будет мусульманкой, то голос необходимо отдавать мусульманину»⁸.

Захида Бурнашева (Гиффат-туташ) выступила за избрание в Учредительное собрание мусульманок, так как мужчины не могут понять проблемы женщин. Ей оппонировала Сара Ахмерова, отстаивавшая единство мусульман, мужчин и женщин. Она сказала, что при расколе по гендерному принципу мусульмане рискуют остаться без депутатов. В итоге данное решение было принято [Халили, 1917]⁹.

Второй блок решений включал в себя организационные вопросы. В нем предусматривалось объединение всех женских организаций России в одну и утверждение принципа подчинения местных организаций районным, районных — центральной а также учреждение Всероссийского центрального комитета в составе не менее 5 человек; место его пребывания — Москва. На нужды комитета должен проводиться сбор денег: от российских мусульманок — по 300 руб., от членов мужских обществ — по их усмотрению. Делегатки по возвращении на места обязаны изыскивать средства, «где возможно». Центральный комитет должен был издавать журнал «для исполнения своей миссии» среди женщин-мусульманок.

Третий блок решений декларировал равенство политических прав женщин и мужчин. Четвертый — предусматривал участие женщин в выборах депутатов Учредительного собрания, а пятый объединял требования гражданско-правового характера в области семейно-брачных отношений.

На съезде четко прослеживается дискуссия между представительницами среднего поколения, выступавшими за синтез предоставления мусульманкам политического равноправия и сохранения устоев ислама и семьи, и представительницами более молодого поколения, как правило еще незамужними из числа учащих, которые настаивали на том, чтобы роль ислама в общественной жизни была минимизирована, а женщинам было предоставлено право принятия самостоятельных решений.

I Всероссийский мусульманский съезд в Москве принял по женскому вопросу в качестве основы резолюцию Всероссийского мусульманского женского съезда. В ней значилось:

«...мусульманки в политических и гражданских правах должны быть уравнены с мужчинами;

— многоженство должно быть отменено;

— женщина имеет право на развод с мужем;

— вступление в брак только с 16 лет» [100-летие образования... , 2017: 102].

Но представители Туркестана и Кавказа выступили против резолюции, высказавшись категорически по поводу положений, которые, по их мнению,

---

⁸ Кояш. 1917. 26 апр.

⁹ См. также: Там же.

противоречили нормам шариата в отношении положения женщины в обществе. Таким образом, общественное движение женщин-мусульманок поддержали лишь лидеры мусульман Волго-Уральского региона.

В итоге в дальнейшем женское мусульманское движение было представлено только женщинами Волго-Уральского региона и регионов, в которых татары-переселенцы играли ведущую роль в местных общинах. Во II Всероссийском мусульманском съезде, который открылся в Казани 21 июля 1917 г., участвовали женщины от Казани (Марьям Муштариева, Абруй Сайфи), от уездов Казанской губернии они не были избраны. По единственному списку Уфимскую губернию представляли Мунавара Мухемедова, Захира Киикова, Ханифа Киикова, Марьям Якубова, Аклима Тагирова; Оренбургскую губернию — Зайнап Якубова и Фархана Ибрагимова (2 женщины из 5 делегатов); Астрахань — Камарбану Ниязова (1 из 3); Симбирск — Зайнаб Акчурина (1 из 4); Самару — Хадича Якубова; Петропавловск — Гайша Максудова (1 из 2); Троицк — Рокья Юнусова (1 из 2); Москву — Рауза Султан-Галиева (1 из 3)¹⁰.

На II Всероссийском мусульманском съезде была создана коллегия по осуществлению национальной автономии мусульман Волго-Уральского региона во главе с Садри Максуди, в нее вошли еще шесть человек, включая Амину Мухитдинову, представлявшую казанский МСК¹¹. Впервые женщину признали способной решать серьезные вопросы государственно-политического устройства.

Конечно же, происходившие процессы активизации женского движения не могли не беспокоить духовенство, которое стояло на страже сохранения традиционных мусульманских устоев. За один день до начала работы II Всероссийского мусульманского съезда в Казани открылся Всероссийский съезд мусульманского духовенства (20 июля 1917 г.). В числе основных вопросов 24 июля на заседании съезда обсуждался вопрос о правах женщин. С докладом выступил консерватор Мурад Рамзи (Мекки). Он подверг резкой критике решения о равноправии женщин, принятые на московском съезде. По его мнению, они подрывали устои татарского исламского общества.

Вместе с тем татарский богослов Муса Биги, сторонник обновления уммы, категорически несогласный с позицией Мурада Рамзи, утверждал: «Все дети Адама, мужчины и женщины, без исключения равны во всех правах». Он призвал провозгласить в семьях автономию, чтобы «не погасли (не погибли) мусульманские государства». Но такая радикальная, с точки зрения духовенства, терминология не была воспринята большинством участников съезда¹².

На II Всероссийском мусульманском съезде от имени съезда духовенства выступил казый (судья) Габдулла Сулеймани. Он заявил, что решения I Всероссийского мусульманского съезда относительно женского вопроса противоречат Корану и шариату. Марьям Муштариева предложила поправку от имени женской фракции съезда: «Женщины обладают всеми правами и свободами, но вопросы свидетельства и наследования решаются по Корану». Она согласилась с мнением Г. Сулеймани об опасности раскола перед выборами в Учредительное собрание. Против такой уступки выступили представители уфимских

¹⁰ Курултай. 1917. 8 авг.

¹¹ Там же.

¹² Йолдыз. 1917. 26 июля.

левых эсеров, Харби Шуру и МСК, включая Амину Мухитдинову и Раузу Султан-Галиеву [там же: 254].

Несмотря на протесты части делегатов, II Всероссийский мусульманский съезд пошел на поводу у духовенства и все же постановил об изменении решений I Всероссийского мусульманского съезда по женскому вопросу в двух моментах: сохранение гражданского равноправия женщин, но отсутствие равноправия в вопросах права наследования, дачи свидетельства, развода; сохранение многоженства и паранджи [Терегулов, 1926].

В целом участники съезда духовенства смогли противопоставить свою позицию по женскому вопросу либералам и добиться принятия этих решений на II Всероссийском мусульманском съезде [там же]. Но вместе с тем в политической ситуации 1917 г. даже духовенство вынуждено было признать пользу от участия женщин в выборах для отстаивания идей национально-конфессионального движения. 16 октября 1917 г. муфтий Галимджан Баруди выступил за участие женщин в выборах. Он аргументировал свою позицию тем, что в случае «малого количества поданных голосов мощь мусульман уменьшится и к ним не будут проявлять внимание»¹³.

Вопрос о праве женщин-мусульманок наравне с мужчинами участвовать в выборах практически разрешился в ходе различных избирательных кампаний конца лета — осени 1917 г.

11—12 августа 1917 г. все национальные организации Казани единым списком участвовали в выборах в Казанское губернское Милли Шуру (Национальный совет). В список вошли КМК, Харби Шуру, МСК, Общество духовенства, Бюро приказчиков, Общество учителей, Общество женщин, Бюро мусульманских рабочих Ягодной слободы, Адмиралтейская организация рабочих, профсоюзы. Больше всего голосов получил председатель КМК Фуад Туктаров (3746), Хадича Танчева получила 1811 голосов, и это было чуть больше, чем у самого Садри Максуди (1807) — депутата II и III Государственной думы, с июля 1917 г. председателя Милли Идарэ (правительство национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири)¹⁴. В списке Милли Шуру Фатима Девлет-Кильдеева, представительница женщин, занимала 8-е место из 14¹⁵.

После разгрома Корниловского мятежа и начала большевизации Советов наступает раскол между центристским и левым социалистическими движениями, сопровождавшийся радикализацией низов населения. В этих условиях на выборах в Казанскую городскую думу 8 октября 1917 г. объединенный список МСК, Харби Шуру, Общества приказчиков и Общества солдаток получил 11 мест, список КМК — 6. Садри Максуди был избран в Думу отдельно от списка КМК. По списку КМК в Казанскую городскую думу прошла Хадича Таначева, а по списку социалистов Уммегульсум Мухаммедьярова и Абруй Сайфи¹⁶.

15 августа 1917 г. в Уфе губернское Милли Шуру избрало свой исполнительный комитет, в который вошли семь человек, включая Гульмуниру Нугаеву¹⁷.

---

¹³ Тормыш. 1917. 31 окт.

¹⁴ Йолдыз. 1917. 18 авг.

¹⁵ Там же. 11 авг.

¹⁶ Тормыш. 1917. 25 окт.

¹⁷ Там же. 19 авг.

Женщины были представлены в комиссиях Уфимского губернского Милли Шуро, созданных 12 ноября 1917 г. Так, в лекционную комиссию вошли Гайша Абзгильдина, Амина Мухитдинова, Абруй Сайфи¹⁸.

18 октября прошло третье заседание курултая (съезд) Казанского губернского Милли Шуро, где было выдвинуто предложение о создании единого блока мусульман губернии на выборах в Учредительное собрание. Лидеры МСК отказались. Десятое место в списке получила Сара Ахмерова (27 голосов «за», 54 «против»), что не сильно отличалось от рейтинга Садри Максуди (26 голосов «за», 52 «против»)¹⁹. В итоге по списку курултая Казанского губернского Милли Шуро было выдвинуто 8 человек, Хадича Таначева была на 7-м месте²⁰.

Таким образом, мы видим, что общественное движение женщин-мусульманок в Волго-Уральском регионе после Февральской революции приняло организационные формы. Его самые активные участницы имели опыт общественной деятельности в предреволюционный период. Они происходили из среды наиболее экономически успешной и светски образованной части татарского общества, что, безусловно, связано с формированием среднего класса в составе татарской нации во второй половине XIX — начале XX в.

Сумев консолидировать вокруг себя наиболее активную часть женщин-мусульманок Волго-Уральского региона, лидеры женского движения создали свои организации, провели съезды различного уровня, сформулировали и озвучили суть женского вопроса в мусульманском движении. Они сумели добиться легитимизации своего участия в выборных кампаниях 1917 г., включить в общемусульманскую программу свои требования. Конечно, процесс этот был непростым и натолкнулся на противодействие прежде всего со стороны мусульманского духовенства. Безусловно, опыт общественной активности женщин-мусульманок в 1917 г. оказался востребованным уже в советский период и способствовал успешному вхождению мусульманской женщины в новые социально-политические реалии.

Список источников

- Арапов Д. Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М.: Изд-во МГУ, 2004. 287 с.
- Багаутдинов Ф. Н.* Амина Мухитдинова. Казань: ФЭН, 2014. 222 с.
- Башкирия в 1917 г.: сборник документов и материалов / сост. Р. Н. Рахимов; под ред. И. В. Галлямова. Уфа: Китап, 2017. 664 с.
- Биктимирова Т. А.* Татар хатын-кызлары мэгърифэт юлында [Женщины-татарки на пути просветительства]. Казан: Печатный двор, 2002. 140 б.
- Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
- Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 415 с.

¹⁸ Там же. 15 нояб.

¹⁹ Курултай. 1917. 19 окт.

²⁰ Там же. 3 нояб.

- Ислам в Российской империи: (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 366 с.
- История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Т. 7. 1003 с.
- НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан).
- Национально-государственное устройство Башкортостана (1917—1925 гг.): документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2002. Т. 1. 608 с.
- Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женское участие в российской политической жизни начала XX в.: (советская и постсоветская историография) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2. С. 15—34.
- Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 2. 591 с.
- Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии / под ред. С. М. Васильева и др. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 293 с.
- 100-летие образования Татарской АССР: сборник документов и материалов / авт.-сост. З. С. Минуллин; под ред. Р. Р. Фахрутдинова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань: Заман, 2017. Т. 1. 520 с.
- Сулейманова Р. Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. 28 с.
- Терегулов И. Очерки революции и общественного движения мусульман России // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета. 1926. № 3881. Л. 151.
- Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906—1917). Казань: Мастер Лайн, 1999. 163 с.
- Фаизов С. Ф. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: Растр-НН, 2005. 104 с.
- Фархитов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период, 60—90-е годы XIX в. М.: Наука, 1994. 144 с.
- Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX в. Казань: Идеал-Пресс, 2001. 383 с.
- Халили Я. Казандагы Гомуми мөслимәләр съезды [Всероссийский Казанский мусульманский съезд] // Сөембикә. 1917. № 11—12. Б. 25—36.
- Хасанов М. Х. Галимджан Ибрагимов. Казань: Таткнигоиздат, 1969. 432 с.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900—1917 гг.) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2. С. 5—14.

References

- Arapov, D. Iu. (comp.) (2001) *Islam v Rossiiskoi imperii: (Zakonodatel'nye akty, opisaniia, statistika)* [Islam in the Russian Empire: (Legislative acts, descriptions, statistics)], Moscow: Akademkniga.
- Arapov, D. Iu. (2004) *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniia islama v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret' XVIII — nachalo XX v.)* [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII — early XX c.)], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Bagautdinov, F. N. (2014) *Amina Mukhitdinova*, Kazan: FEN.
- Biktimirova, T. A. (2002) *Tatar khatyn-kyzlary mæg"rifët iulynda* [Tatar women on the path of enlightenment], Kazan: Pechatnyi dvor.
- Buldakov, V. P. (2010) *Krasnaia smuta: Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [Red troubles: The nature and consequences of revolutionary violence], Moscow: ROSSPEN.

- Faizov, S. F. (2005) *Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g.: stranitsy istorii* [Russian Muslim women's movement for women's rights in 1917: pages of history], Nizhny Novgorod: Rastr-NN.
- Farkhshatov, M. N. (1994) *Narodnoe obrazovanie v Bashkirii v poreformennyĭ period, 60—90-e gody XIX v.* [Folk education in Bashkiria in the post-reform period, 60—90s of the XIX c.], Moscow: Nauka.
- Istoriia tatar s drevneishikh vremĕn:* in 7 vols (2013) [History of the Tatars since ancient times], vol. 7, Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan.
- Iuldashbaev, B. Kh. (comp.) (2002) *Natsional'no-gosudarstvennoe ustroĭstvo Bashkortostana (1917—1925 gg.): Dokumenty i materialy* [The national-state structure of the Republic of Bashkortostan (1917—1925): Documents and materials], vol. 1, Ufa: Kitap.
- Khabutdinov, A. Iu. (2001) *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniia razvitiia tatarskogo obshchestva v kontse XVIII — nachale XX v.* [Formation of the nation and the main directions of development of Tatar society in the late XVIII — early XX c.], Kazan: Ideal-Press.
- Khalili, Ia. (1917) Kazandagy Gomumi mĕslimĕler s'ezdy [Kazan All-Russian Muslim Congress], *Sĕembikĕ*, no. 11—12, pp. 25—36.
- Khasanov, M. Kh. (1969) *Galimdzhan Ibragimov*, Kazan: Tatknigoizdat.
- Khasbulatova, O. A. (2017) Zhenskoe dvizhenie v Rossii kak faktor sotsial'nogo progressa (1900—1917 gg.) [Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900—1917)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 5—14.
- Minullin, Z. S. (comp.) (2017) *100-letie obrazovaniia Tatarskoĭ ASSR: Sbornik dokumentov i materialov* [100th anniversary of the Tatar ASSR: Collection of documents and materials], vol. 1, Kazan: Zaman.
- Petrov, Iu. A. (ed.) (2017) *Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura: Kollektivnaia monografiia* [Russian revolution of 1917: power, society, culture: Collective monograph], vol. 2, Moscow: ROSSPĒN.
- Pushkareva, I. M., Pushkareva, N. L. (2017) Zhenskoe uchastie v rossiiskoi politicheskoi zhizni nachala XX v.: (Sovetskaia i postsovetskaia istoriografiia) [Women's participation in Russian political life at the beginning of the XX c.: (Soviet and Post-Soviet historiography)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 15—34.
- Rakhimov, R. N. (comp.) (2017) *Bashkiriia v 1917 g.: Sbornik dokumentov i materialov* [Bashkiria in 1917: Collection of documents and materials], Ufa: Kitap.
- Sbornik dokumentov i materialov o revoliutsionnom dvizhenii 1905—1907 gg. v Bashkirii* (1956) [Collection of documents and materials about the revolutionary movement of 1905—1907 in Bashkiria], Ufa: Bashknigoizdat.
- Suleĭmanova, R. N. (2011) *Zhenshchiny v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Bashkirii XX veka: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Women in the social and political life of Bashkiria of the XX century: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Ekaterinburg.
- Usmanova, D. M. (1999) *Musul'manskaia fraktsiia i problemy "svobody sovesti" v Gosudarstvennoi dume Rossii (1906—1917)* [The Muslim faction and the problems of "freedom of conscience" in the State Duma of Russia (1906—1917)], Kazan: Master Laĭn.
- Zagidullin, I. K. (2007) *Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii: Mecheti v evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri* [Islamic institutions in the Russian Empire: Mosques in the European part of Russia and Siberia.], Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Статья поступила в редакцию 16.05.2020; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 16.05.2020; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Хабутдинов Айдар Юрьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, aihabutdinov@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation).

Имашева Марина Маратовна — доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, imaschewa@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation).

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, mileuscha@mail.ru (Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Tatar Literature, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation).